

~~388~~
388

44

Подлежит возврату во
II часть ОС ЦК ВКП(б).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков).
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

№ П3331

4 декабря 1936 г.

Т. т. МОЛОТОВУ, ВОРОШИЛОВУ, КАГАНОВИЧУ, ОРДЖОНИКИДЗЕ,
ЖДАНОВУ, ЧУБАРЮ, ЕЗОВУ, МИКОЯНУ, АНДРЕЕВУ, КОСИОРУ,
БЕРИЯ.

Разсылаются для сведения письма Ломинадзе на имя тов. Орджоникидзе от 1929 года, присланные в ЦК товарищем Орджоникидзе в декабре 1936 года. Из этих писем видно, что Ломинадзе уже в 1929 году вел борьбу против ЦК и его решений, причем рассчитывал на то, что т. Орджоникидзе не сообщит Центральному Комитету партии об антипартийных настроениях и установках Ломинадзе. Совершенно ясно, что если бы ЦК имел в руках в свое время эти письма Ломинадзе, он ни в коем случае не согласился бы направить Ломинадзе в Закавказье на пост первого секретаря Закрайкома.

Экз. № _____

И. Сталин

20 1933.

Кр. Димитрия

~~1929 год~~

397

385

Разосланы 4. XII 1936 г.
 № 13331

К о п и я.

Дорогой Серго!

Прости, что отнимаю у тебя время по такому неприятному делу, как мой личный вопрос. Но это я делаю в последний (хотя, к сожалению, и не в первый) раз.

После разговора с тобой в Москве я ездил в деревню на перевыборную кампанию (эта поездка мне очень много дала; о своих впечатлениях, если хватит времени и места, напишу коротко в конце письма). За время поездки я передумал вопрос о своей будущей работе. Приехав сегодня в Нижний, я узнал, как примерно предполагает распорядиться мною ЦК. Нижегородцы выдвигали на совещании при ЦК, когда обсуждался вопрос о формировании руководящих органов области, мою кандидатуру на пост второго секретаря Ниж. обкома. Каганович будто бы мою кандидатуру на эту работу поддержал. Но вятчи и вотяки настаивали на кандидатуре Лепы - нынешнего секретаря Вятского губкома - на пост 2-го секретаря (первым секретарем намечается Жданов). Вопрос должен решиться - или м.б. уже решился - в Секретариате или Оргбюро ЦК. Я лично считаю требования вятчей и вотяков совершенно правильными. Они приводят два мотива:

- 1) Неудобно иметь секретарей обкома обоих интеллигентов; Лепа же член партии с 1912 года и рабочий;
- 2) надо в Секретариате обкома обеспечить связь и известную преемственность с работой Вятской губернии. К этим двум - совершенно правильным мотивам - добавляется третий, личный мотив т-ща Лепы. Он хочет работать в Ниж. области, но соглашается только на работу вторым секретарем. И это, по моему, - мотив достаточно уважительный. Что касается меня, то меня (я пишу тебе все совершенно откровенно, ничего не

преуменьшая и не преувеличивая) пост секретаря Нижобкома очень мало привлекает. А объективные преимущества, несомненно, на стороне Лепы.

Если ЦК решит - а это будет единственно правильным решением - вторым секретарем наметить Лепу, то дальше встает вопрос, что же буду делать я. Боюсь, что меня ожидает самое страшное и неприятное - Агитпроп обкома. И вот в связи с этим я и ставлю перед собою вопрос о том, чего же мне надо добиваться. У меня есть два приемлемых для меня и вполне меня удовлетворяющих выхода. Первый - остаться здесь, но остаться обязательно на низовой работе, которая в сотни раз интереснее, привлекательнее, полезнее и необходимее для меня, чем работа на "высоких" постах обкома. Я имею в виду работу на заводе у станка в течение 1½-2-х лет или, на худой конец, работу в волости. Относительно посылки на производство ответработников есть ведь общепартийные решения. Мы их никогда не выполним, если сами первые не подадим личного примера. Если мы из членов бюро губкома не пошлем человек 3-х или 5-ти, мы не сумеем убедить широкие массы в серьезности этого решения партии, мы не сможем заразить примером десятки и сотни ответственных работников хозяйственников, профсоюзников и т.п. Когда я об этом говорил в бюро ГК, "теоретически" все признают правильность моего довода. На практике же никто не решается пойти на такое простое дело, как посылку на завод хотя бы меня или еще 2-3-х товарищей, которые хотят пойти на эту работу. Не решаются потому, что боятся, как бы это не поняли "иначе", как бы это не истолковали, как попытку спахнуть с ответств. постов того или иного товарища, не ре-

- 3 -

шаются просто в силу рутинны. А между тем без крутого пере-
лома в практическом разрешении задачи, поставленной ноябрь-
ским пленумом ЦК, мы снизим ее, превратим в циркуляр, в
благое ~~по~~желание и т.п. Крутой же перелом - только в том,
чтобы посылать таких, как я (конечно, добровольцев, а их
найдется и находится немало) десятками к станку.

Маленький частный вопрос. Смогу ли я работать у стан-
ка? Вполне. Я обрыскал заводы и фабрики и знаю ряд работ,
не требующих с самого же начала большой квалификации. Что же
касается заработка, то его нехватку лично я всегда смогу
покрыть гонораром от литературной работы.

Надо ли тебе доказывать подробнее всю необходимость
проведения такого мероприятия по отношению к таким работни-
кам, как я. Ты сам отлично понимаешь, какая это будет для
нашего брата превосходная жизненная, практическая школа.
А лично я, честное слово, пошел бы доучиваться в этой школе.
с величайшей радостью. Но может быть еще полезнее пойти рабо-
в деревню? Помнишь, что писал Ленин о посылке членов ВЦИК"а
на волостную работу ("Ведь не также мы забюрократились, чтоб
не суметь выполнить этой простой задачи"- писал Ленин).
Суб"ективно меня в деревню не тянет (это понятно без даль-
нейших комментариев). С большей (в десятки раз) охотой я по-
шел бы работать на завод. Но и в деревню я пойду с гораздо
большей охотой и радостью, чем на АПО работу или другие вы-
сокие посты вплоть до секретарских в обкоме. (Кстати, о Баку.
Помнишь, ты говорил о возможности моей посылки туда. Проду-
мав это дело, я теперь буду категорически против всякой
попытки решить вопрос обо мне в этом направлении).

- 4 -

Второй выход: пойти работать (и вместе с тем учиться!) в такое учреждение, как Институт Ленина. Я еще не утерять полностью способности к систематической, терпеливой, повседневной теоретической работе. Но боюсь, что очень скоро я эту способность окончательно утеряю (особенно, если ~~я~~ буду работать на таких постах, как нынче). Если бы у меня была возможность совершенно свободного выбора между Институтом Ленина и работой на заводе, я скорее всего выбрал бы последнее, но для этого мне пришлось бы все таки порядком изнасиловать себя. Ну, не стану подробнее распространяться об этом.

Вот единственные, приемлемые для меня пути моей работы. Почему же я обращаюсь к тебе? Потому, что здесь на месте вопрос о моей работе не будет и не может быть разрешен так, как этого я хочу и добиваюсь. Поднимать здесь вопрос об Институте Ленина бесполезно. Это может решить только ЦК. Ни на завод, ни в деревню меня без ЦК тоже никто не согласится здесь отпустить. Боюсь, что ГК даже не поставит такого вопроса обо мне перед ЦК.

Вот я и обращаюсь к тебе с самой убедительной просьбой помочь мне выйти на один из указанных мною путей работы. Ты меня этим очень обяжешь и в то же время это ни в малейшей мере, как мне кажется, не будет носить характера протекционизма или чегонибудь в этом роде. Если тебе кажется иначе, тогда порви это письмо и давай забудем о нем. Я бы никогда не решился ни к кому - особенно к тебе - обратиться с просьбой за протекцией или за таким делом, в котором был бы хоть

намек на протекцию. Но если этого момента в моей просьбе нет, то помочь ~~мы~~ мне должен. Что бы я сделал на твоём месте? Я бы решил вопрос таким образом: парень хочет^у учиться и поработать на низовой работе; объективно говоря, для него в настоящий момент полезнее низовая работа; она, кстати, даст ему больше свободного времени и для теоретической работы над собой; поэтому надо послать его на низовую работу; принимая же во внимание и его суб"ективные склонности, лучше послать его на завод, чем в деревню. Я бы на твоём месте откинул всякое подозрение о том, что обращающийся ко мне товарищ действует под минутным впечатлением или под влиянием каких нибудь посторонних мотивов, о которых он не пишет. Но я начинаю уже подсказывать тебе, как ты должен решать вопрос. С меня хватит и того, что я навязываюсь тебе со своими соображениями и предложениями. Решай сам, как знаешь и как можешь, что тебе делать в отношении моей просьбы.

Чтобы договорить все до конца, я должен сказать еще об одном. Конечно, моим постоянным идеалом отнюдь не является ученая, теоретическая работа или работа на заводе в течение долгих лет. У каждого из нас помимо общепартийных целей и задач есть свои суб"ективные стремления, свои суб"ективные расчеты на будущее. Таким моим личным расчетом является желание принять участие в революционной борьбе западных рабочих. Я уже кое чего достиг за 1925-27 годы в осуществлении этой своей цели. Я буду стремиться к ней и дальше и работа на заводе, и даже работа в деревне, и научно-теоретическая работа представляются мне лишь как временные (на 2 года, примерно) этапы на пути к достижению той цели, которую я перед

собой поставил. В ближайшие год-два моя работа на Западе невозможна (к твоему сведению - речь идет не о работе в аппарате К.И., - я категорически отказывался от работы в аппарате ИККИ еще до всякого конфликта с Бухариным и Сталиным; мне в конце 27 года предлагали всякую работу: Зав.АПО, Зав.Вост-отделом, Зав.Германским секретариатом и пр. и пр. Я от этой работы отказывался наотрез). И вот эти годы я и хочу использовать с максимальной для себя пользой. В данном случае моя польза совпадает с общепартийными решениями и интересами. Поэтому то я тебя и прошу помочь мне.

Ну, на этом я заканчиваю личную часть моего письма. О деревне уже не стану писать на этот раз. Жданов рассказал мне о новых событиях в Москве (разговор Бух. с Кам., заявления того и другого и т.п.). Я сейчас держусь такого взгляда, что политические разногласия достаточно отчетливо определились; они очень глубоки; замазывать их нельзя никоим образом и мирной политике пора положить конец. Добрая ссора теперь гораздо полезнее всякого худого мира. Нельзя оставлять без ответа такие возмутительные документы, как "полит.завещ.Ленина" в передаче Б-на. Я уж не говорю о всем прочем. На днях я приеду в Москву, сколько бы не злился Коба. Он, говорят, советовал Жданову на ПВ не пускать меня в Москву, а посылать почаще в деревню. В деревню я езжу и без его советов, а в Москву на зло ему буду ездить, когда захочу (праздники-то ведь в моем распоряжении!) Не мешало бы и ему самому поехать в деревню. Чего он зря околачивается в праздничные дни в Москве?

Ну, пока, крепко жму руку и желаю выздоровления.

Твой БЕСО.

12. II. 29.

К о п и я.

Ейск, 14-го августа.

Дорогой Серго! Недавно я послал тебе коротенькое письмо по Мухалатскому адресу. Мне его вернули обратно с надписью: "т.Ордж.в Мухал. не проживает". Я надеюсь, что хоть это письмо дойдет до тебя. (Твой адрес я узнал от Мамии). Оно будет наверно очень длинное, но я прошу тебя внимательно прочесть его. Я пишу тебе не как председателю ЦКК, а как человеку, которого я всегда имел право называть своим близким товарищем и другом (также как имели и имеют это право многие, кто тебя близко знает). Не знаю (время теперь такое), не утратил ли я теперь в твоих глазах этого права. Ты для меня остаешься во всяком случае тем, кем был и раньше, т.е. товарищем, с которым можно говорить совершенно откровенно, не утаивая ничего, делаясь всеми своими сомнениями и сокровенными мыслями и не опасаясь при этом, что тебя схватят за шиворот или за горло, если с тобой даже не согласны. Я пишу это письмо только для тебя и прошу рассматривать его как абсолютно личный документ. Я пишу в нем то, что я тебе сказал бы в устном разговоре, с глазу на глаз, сказал бы тебе, но не другим. Конечно, ты имеешь формальное право придать этому письму характер документа, подлежащего официальному обсуждению. Я тебя прошу этого не делать, но требовать от тебя этого я, конечно, не могу. Из всех руководящих товарищей, ты для меня в настоящий момент единственный человек, к которому я могу обратиться в неофициальном порядке. Может быть я ошибаюсь в этом отношении и насчет тебя. Пусть будет даже так. Я не могу не высказать тебе того, что у меня накопилось за последнее время и что давит меня и требует какого нибудь выхода. Я все же

надеюсь, что не попаду из-за этого своего шага в новую "про-
работку". А если даже да, то что же делать? Потребность выс-
казать все на чистоту, хотя бы перед одним человеком, перед
которым я всегда мог раньше это делать, во мне сильнее всего
в настоящий момент. Ты, конечно, знаешь, о чем будет идти
речь. Последние решения ЦК тебе известны лучше, чем мне. И
ты должно быть знаком с моей перепиской с Институтом Красной
Профессуры и с ответом Ст. и Мол. на мое письмо. Так что я
прямо перейду к делу без всяких дальнейших предисловий.

Ленин однажды писал, что политик обязан всякий факт рас-
сматривать не с личной, а с массовой точки зрения. Как ни
сильно затрагивают последние события лично меня и Шацкого
(с которым я - ближайший друг), я стараюсь сохранить макси-
мально возможную в этих условиях объективность и рассуждать
не с личной, а с политической точки зрения. Насколько мне
это удастся, судить мне самому трудно, но я стараюсь не
поддаться личной точке зрения.

Когда началась институтская история (осуждение т. Резни-
ка за согласие с нашими поправками на конференции и об'явле-
ние нас - меня и Лазаря - представителями нового "левого" ук-
лона, не то зарождающегося, не то оформившегося, не то троц-
кистского, не то еще какого-то нового), я был возмущен и
чортovski зол, но я ни на одну минуту не придавал и этой ис-
тории сколько нибудь серьезного политического значения. Я
считал, что здесь мы имеем дело с мелким, абсолютно непока-
зательным с точки зрения политики, инцидентом, касающимся
лично меня и Лазаря и группы красных профессоров - вчерашних
сленковцев и сегодняшних партбывателей. О политическом зна-
чении институтской истории я считал возможным говорить лишь

в самом ограничительном значении. Я рассматривал ее, как одно из проявлений, не представляющее большого общественно-го интереса, тех искривлений, которые в последнее время вскрываются в ряде организаций, искривлений внутрипартийного режима. Но это искривление, хотя оно имело место в такой квалифицированной среде, как ИКП, я рассматривал все же, как явление ячейкового масштаба, не идущее ни в какое сравнение с астраханским, не говоря уже о бакинском, делом. Так казалось мне и с совершенно легким сердцем я накатал письмо в бюро ячейки ИКП, в котором я в острой форме отбивал атаку, направленную лично против меня и Лазаря, и сам перешел в наступление. В конце июня мне пришлось быть в Москве. Разговор со Ст-ным и М-вым меня еще больше убедил в том, что нельзя придавать институтской истории скольконибудь крупного значения. Ст-н заверил меня в том, что ни он, ни Мол. никакого отношения к этому делу не имеют, никаких указаний никому насчет нашей проработки они не давали; он говорил мне, что обвинение в левом уклоне (речь шла и обо мне и о Лазаре) он считает неверным: в китайском вопросе ты, дескать, сделал действительно левую ошибку и это, - добавил он, - очевидно, не с неба свалилось. Но что касается вопроса об организации бедноты, то он считает (я передаю почти буквально, что он мне говорил), что это - чисто практический вопрос. "Мы сами - говорил он - думали одно время, не создать ли нам нечто вроде союза бедноты (ручаюсь за смысл передачи), но решили, что сейчас не время" (что это так, я могу доказать ссылкой на другой разговор с ним же, во время конференции - разговаривали я, Стэн, Щацкий и Стрельцов; он говорил нам, что он

стоит за создание широкой организации бедноты с центрами в районе, округе и в области. Всесоюзный союз бедноты он считал и тогда неправильной формой, но оформление орг. бедноты в областном масштабе он признавал в разговоре с нами совершенно правильным). Я уехал из Москвы совсем с легким сердцем. Я знал, что институт ~~к. с.~~ будут меня прорабатывать и обливать грязью за мое резкое письмо, но это меня мало беспокоило. Я все-таки достаточно большевик для того, чтобы не придавать большого значения личным неприятностям, которых у меня за последние полтора года было достаточно, но от которых я в уныние никогда не приходил. Впервые поднялась у меня тревога когда я получил письмо Ст. и Мол. В письме четыре пункта и все четыре бьют по мне, здорово сильно (а один из них явно несправедлив, - мне приписывается замаскированный намек, содержащийся якобы, в моем письме, насчет того, будто партия присоединялась к Моей позиции - до таких геркулесовых столбов мании величия я никогда не доходил и не дойду, - но об этом позже). Как ни мало удовольствия доставили мне эти четыре пункта, я не стал бы особенно тревожиться, если бы в письме в § 4 в скобках не было замечания насчет того, что требование организации союза бедноты, выставленное мною на XV1 партконференции (я такого требования никогда не выставлял) не может не способствовать популяризации лозунга крестьянского союза. Это уже не личный пункт, а политический. Он предрешал официальное отклонение. Предложение о перестройке организации бедноты на более массовой основе, и это не могло не вызвать у меня тревогу (т.к. я считаю этот вопрос чрезвычайно важным).

Постановление ПБ по делу Лазаря, квалифицировавшее его статью как проявление политической невыдержанности и содержащее кроме того очень свирепый "оргвывод" и директиву о проработке Лазаря сильно поколебали мое первоначальное представление о характере и движущих силах институтской истории. Я увидел, что она была не случайным инцидентом и несамостоятельно возникла, а была подготовлена сверху (только исполнители оказались не очень умны) и сигнализировала кой-что от большой политики. Но то, что произошло дальше, имеет уже совершенно определенно не личное, а обще-политическое значение, причем значение исключительно большое. Итак, институтская история была только началом, только первым незначительным звеном, а все дальнейшее представляет собою цель большой политической важности. Я бы не стал обращаться к тебе по одним только личным вопросам. Я знаю, что и я и Лазарь несем каждый свою долю ответственности за всякий шаг, который мы предпринимает и было бы смешно, если бы кто либо из нас хотел освободиться от ответственности за то, что мы делаем. Но последние события далеко, далеко выходят за рамки наших персональных вопросов. Именно потому, что мы имеем дело с крупнейшими политическими событиями, я и обращаюсь к тебе (эти события связаны лично с нами и по этому обойти полностью личные вопросы мне не удастся).

Я перехожу теперь прямо к резолюции, опубликованной в "Правде" от 9-го августа. Эта резолюция, не комсомольский, а партийный документ, была утверждена ПБ. И я ее рассматриваю, как решение ПБ. Должен сказать, с самого начала, что обвинения, предъявленные этой резолюцией Шацкину, ничем необоснова-

ны и не могут быть обоснованы. В резолюции не приводится ни одна цитата из статьи Лазаря, по моему, просто потому, что из этой статьи и нельзя ничего привести, чтобы подтверждало те серьезнейшие обвинения, которые предъявляются Лазарю. Неверно, будто "Шацкий подменяет партийный лозунг борьбы против правого уклона лозунгом борьбы против партийной обывательщины, повторяя по существу троцкистские выпады против партии, якобы ведущей борьбу против правого уклона в блоке с политическим болотом". Здесь, что ни слово, то неправда. Шацкий не подменяет лозунг борьбы против правого уклона лозунгом борьбы против парт. обывательщины, а прямо говорит в своей статье, что борьба против парт. обывательщины есть составная часть борьбы против правого уклона, одна из форм этой борьбы, один из участков фронта борьбы против правого уклона. И это абсолютно правильно. Правый уклон проявляется не только в оппортунистической теории, политической линии и тактических вопросах, но наряду со всем этим и в беспринципной обывательщине. Борьба против последней входит обязательно в общую борьбу против правого уклона и ей подчинена. Ну, скажи ради бога, что здесь неправильного и где здесь подмена общего лозунга частным? У Шацкого все это сказано так отчетливо, так ясно, что доказать предъявляемого ему обвинения ни одним словом из его статьи нельзя!

Совершенно необосновано и неверно обвинение Шацкого и в том, будто бы он повторяет "по существу троцкистские выпады против партии, якобы ведущей борьбу против правого уклона в блоке с политическим болотом". И это обвинение не может

быть абсолютно ничем доказано. Уж как ни старался Ольховый, поместивший статью против Шацкого и Стена в "Комсомольской Правде" от 8 августа, но и он не смог привести ни одной цитатки, ни одного словечка из статьи Шацкого, которые бы могли подкрепить это обвинение. Шацкий говорит в своей статье (сколько мне помнится, - а я ее читал очень внимательно раза три), что борьбу против правого уклона нельзя вести, не размежевавшись с обывательским болотом, потому что это болото и является питательной лавой правого уклона и его союзником. Разве это неверно? Что здесь троцкистского? Я прекрасно знаю Шацкого и знаю, что он всегда занимал непримиримо враждебную позицию к троцкистской идеологии, к троцкизму во всех его проявлениях. Отличие его от Ольхового в этом отношении можно установить только в том, что Шацкий лучше понимает, что такое троцкизм. Ольховый полемизирует с Шацким таким образом:

"Каков должен быть (!!)-смысл (!) рассуждения статьи Шацкого о том, что возможны две линии в отношении обывательщины? (при этом Ольховой, конечно, не цитирует этого места из статьи Шацкого, и что если бы он его процитировал, всем было бы видно, какой смысл вкладывает Ш. в него) только тот, что в партии эти две линии налицо, что они между собой борются, что в партии есть угроза победы линии, стремящейся жить в мире и идти на известный блок с обывательщиной. Это является прямым наветом на партию, клеветой на нее".

Таким приемом, которым пользуется Ольховой, ^{можно} все доказать.

Предположим, я говорю (или ты говоришь), что возможны две линии в отношении троцкизма (либо беспощадная борьба с ним, либо блок с ним - по сути дела это так и есть, только две эти линии могут быть в этом вопросе). В ответ на этой Ольховой напишет: "какой смысл имеет это утверждение? Только тот, что в партии эти две линии налицо, что они борются меж собою, что в партии есть угроза победы линии, стремящейся жить в мире с троцкизмом и идти с ним на известный блок. Это является наветом на партию, клеветой на нее. То же самое рассуждение можно применить к любой постановке вопроса о любых двух линиях. Ну, на что же это похоже?"

Другое обвинение пред'является Шацкину в резолюции ПБ в следующем:

"Вместо борьбы с действительной обывательщиной в партийной среде, борьбы которую партия ведет с успехом, смело развертывая самокритику и внутрипартийную демократию, поднимая активность широких партийных и комсомольских масс, тов. Шацкин, под видом борьбы с обывательщиной, на деле выступает с недопустимыми нападками на преданных революции, дисциплинированных партийцев, в барско-интеллигентском тоне, третируя железную большевистскую дисциплину".

И здесь ни одного слова из статьи, ни одной цитаты!

И здесь обвинение абсолютно ничем не может быть подтверждено. Я утверждаю, что Шацкин в своей статье не дал ни малейшего повода, ни малейшего намека для обвинения его в третировании парт. дисциплины. И он в силу его партийной позиции неспособен даже на это. Шацкин говорил только, что голосование про-

тив правого уклона еще не является его преодолением, что это пол-дела, что партобыватели пытаются укрыться, спрятаться за этим голосованием и что их здесь и надо разоблачать. Разве это неверно? Разве это не является простым подтверждением того пункта из резолюции апрельского пленума ЦК и ЦКК, в котором говорится, что особенно опасной для партии является скрытая форма правого уклона, в которой оппортунистические элементы, прикрываясь единогласными решениями, проводят на деле практическую линию правых (цитирую по памяти, но цитирую правильно, т.к. этот пункт писан моей и Шацкина рукою). Вся статья Шацкина представляет собою развитие этого пункта, обоснование его, изложение его в популярной форме и т.п. и ничего, ну абсолютно ничего, выходящего за пределы этого пункта в статье нет. Я здесь снова обращаюсь к Ольховому. Он бы уже обязательно привел какуюнибудь подходящую цитату из статьи Шацкина для обоснования этого обвинения. Но Ольховой приводит всего на всего две цитаты: 1) "Наивно думать, - пишет Шацкин, - будто заголосовать правых, значит покончить с правой опасностью. Это только половина дела и вряд ли наиболее трудная. Надо еще преодолеть правые настроения и правую практику". Это абсолютно правильное (и почти буквально повторяющее резолюцию апрельского пленума ЦК) утверждение вменяется в вину Шацкину. Куда же дальше можно идти? 2) "Размежеваться с партийным болстом, открыть новый фронт борьбы, фронт борьбы с обывательщиной". Я не помню (у меня под рукой статьи Шацкина нет), в каком контексте была у Шацкина ~~ч~~ фраза, но я отлично помню, что о новом фронте Шацкин говорил, не противопоставляя его фронту борьбы с правым уклоном, а вклю-

чая его туда, говорил в том только смысле, чтобы подчеркнуть необходимость усиления борьбы с правым уклоном на практике (т.е. совершенно в духе решения апрельского пленума ЦК и ЦКК). Если даже отдельные выражения в этой цитате не совсем удачно, то смысл ее, подлинный смысл абсолютно правилен, и никак не может быть истолкован, как его толкует Ольховой. Но это единственное и самое "однозное" место из всей статьи Шацкого, на которое только и мог сослаться Ольховой. Больше ни одного слова, ни одной выдержки.

Так обстоит, по моему убеждению, дело с обвинениями, предъявленными Шацкину по поводу его статьи. Но допустим даже, что в его статье имеются отдельные неудачные выражения (я их не знаю), отдельные даже ошибки (я глубоко убежден, что их нет). Надо ли, можно ли было из-за этого 1) применять к Шацкину "оргвыводы", 2) пускать его в проработку по всей партии, 3) предъявлять ему серьезнейшие обвинения (частично приведенные уже мною, а вот последнее обвинение: "либеральная терпимость (!!) к уклонам от ленинской линии и отрицание (!!!) безусловной необходимости железной дисциплины в рядах большевиков, что представляет одно из проявлений политической неустойчивости и мелко-буржуазной расхлябанности, прикрываемой полупозиционным флагом мнимой революционности и "левизной" в духе мелко-буржуазного радикализма"). Такие обвинения предъявлялись до сих пор только тем, кто переходил на позиции, несовместимые с партийной линией по основным принципиальным вопросам. 4) В левом уклоне, т.е. в троцкизме (других левых уклонов пока что в природе нашей партии не существует, хотя их и постаралась изобрести Иваново-Вознесенская конфе-

ренция в резолюции, принятой по докладу Молотова)? Обвинение в левом уклоне, брошенное по адресу Шацкого в редакционной статье "Правды" от 9-го августа. В чем тут дело? Что случилось? Что произошло?

Но пойдём дальше. В резолюции имеется такой пункт по поводу статьи Стёна в "Комсомольской Правде": "Призыв т. Стёна к комсомольцам "на своем опыте прорабатывать серьезно все вопросы и таким путем убеждаться в правильности генеральной линии нашей партии" - является откровенной пропагандой недоверия к генеральной большевистской линии и представляет собою пережев "теорий" правых уклонистов о свободе уклонов от генеральной большевистской линии". Должен признаться - ничего подобного я никогда не слышал, не читал, не предполагал, не допускал^И в мысли. Я и сейчас не могу поверить, чтобы такой пункт мог быть в решении ЦК и мне все кажется, что здесь какая-то ошибка, какое-то необыкновенное недоразумение, хотя и знаю, что никакого недоразумения тут нет, а это - решение ЦК. Но я, честное слово, просто не могу опомниться и придти в себя от этого пункта. Так оглушил он меня своей, как бы это сказать, "странностью"!

Должен сказать, прежде всего, что со Стёном меня далеко не связывают такие близкие, дружеские отношения, как с Лазарем. Так что здесь я могу рассуждать совершенно объективно, не поддаваясь ни на минуту никаким личным мотивам, дружеским чувствам и т.п. Я читал статью Стёна в "Комсомольской Правде" и нашел, что она представляет собою безобразнейшее произведение, какое мне только приходилось в последнее время читать. Я даже писал в Москву кому-то из товарищей, что

Стеновская статья (сама по себе недурная) не удовлетворила меня именно потому, что в ней совершенно нет той острой соли, которую Стэн имеет привычку присыпать свои рассуждения. Но из этой безобразнейшей статьи взяли и объявили борьбой против генеральной линии партии наиболее безобидный пункт. Стэн предлагает комсомольцам "на своем опыте прорабатывать серьезно все вопросы и таким путем убеждаться в правильности генеральной линии партии". Убей меня (как говорится, бог, не пойму, что здесь неверного (не говоря уже о недоверии к генеральной линии партии)? Призыв к комсомольцам? Но комсомольцы должны быть за генеральную линию партии, или она их не касается? И если они должны быть за нее, то должны/они убеждены в ее правильности, или просто должны воспринимать ее механически в форме простого подчинения. Чего стоит такой комсомолец (или коммунист), который "признает" генеральную линию партии, не продумав ее, не проработав ее и с теоретической точки зрения и с точки зрения своего опыта? Разве Стэн не призывает убеждаться "в правильности генеральной линии партии"? Разве каждый из нас не обязан продумывать весь свой опыт, с точки зрения ленинской теории и своего практического опыта? Честное слово, ничего не понимаю! Причем тут призыв, да еще откровенный (!!.) к недоверию (!!!) к генеральной линии партии, иначе и тут правая теория о свободе уклонов (!!.) от генеральной линии партии? И я ставлю сейчас перед собой вопрос: неужели я так поглупел за какуюнибудь неделю, что до сих пор в течение почти тринадцати лет понимал все решения партии, все решения ЦК, а вот этого никак не пойму? Или может быть здесь дейст-

вительно какое нибудь недоразумение? Или же здесь совершенно необоснованная придирка к статье Стена именно потому, что это статья Стена? Но в этом случае придирка настолько неудачная, что за нее становится прямо неловко.

Следующий пункт в резолюции о Кострове: "Родственной ошибкам т.т. Шацкого и Стена является ошибка т. Кострова, ответственного редактора "Молодой Гвардии", который защитой лозунга "создания широкой массовой организации бедноты в деревне" на деле способствует популяризации идеи крестьянского союза, идущей в разрез с классовой политикой партии в деревне".

Этот пункт самый серьезный в резолюции и на нем стоит подробнее остановиться. Но т.к. Костровская точка зрения об'является грехопадением, родственным грехопадению Шацкого и Стена (а их обвиняют во всех возможных грехах, вплоть до троцкизма), я пересылаю тебе статью Кострова - ты ее должно быть не читал - и прочти ее и тебе станет ясно насколько ^{можно} обвинять Кострова в ошибках, родственных троцкизму.

А теперь о самом "лозунге" Кострова. В той формулировке, в какой этот "лозунг" дан в статье Кострова: "создание широкой массовой организации бедноты в деревне" - он представляет собою почти дословное повторение: 1) пункта нашей партийной программы, требующей особой, самостоятельной организации пролетариев и полупролетариев деревни, создания особых организаций бедноты, особых профсоюзов пролетариев и полупролетариев (см. пункт о политике партии в деревне) и 2) пункта из резолюции XV1 партийной конференции, в котором говорится, что только правые оппортунисты могут быть против "самостоятельной

организации широких масс (!!!) бедноты в деревне" (цитирую совершенно точно). Обвинение, адресованное Кострову, может быть с таким же основанием адресовано этим двум пунктам 1) программы и 2) резолюции XVI партконференции. Но я допускаю, что это место в резолюции ЦК неточно сформулировано (как и вся резолюция поразительно небрежно написанная) и имеет в виду не самую формулировку Кострова (являющуюся буквальным воспроизведением формулировок партийных решений) а то, что за нею скрывается (за Костровской формулировкой), ее содержание, так сказать. А содержание ее сводится к предложению перейти от существующих сегодня форм организации бедноты - групп бедноты - к более широким и массовым формам, с тем, чтобы организации бедноты в деревне охватывали не только узенькую прослойку бедняцкого актива, но и широкие массы бедняков. Такое же предложение вносили на конференции я и Шацкин. Насколько мне известно, Костров, так же как и я, держится того, взгляда, что основная задача заключается в перестройке на более широкой и массовой основе организации бедноты внизу, в самой деревне, а вопрос о том, какое выражение получит эта перестройка наверху (в районе, округе или области) имеет несущественное значение (лично я и, как мне кажется, Костров тоже, считаю нецелесообразным создание постоянных выборных центров организации бедноты в районе, округе и т.п. По чисто практическим мотивам - это отнюдь не принципиальный вопрос). Вот это наше предложение и об'является теперь равносильным лозунгу крестьянского союза, равносильным троцкистскому лозунгу "союза бедноты" (см. "Правду" от 9-го июля, ре-

дакционную статью) и идущим вразрез с классовой линией партии в деревне.

Я не стану здесь в письме останавливаться на всех теоретических и практических соображениях, доказывающих, что это обвинение ни на чем не основано. Отмечу только несколько моментов.

1) То, что мы предлагали на конференции и защищает в самой общей форме в своей статье Костров, является ни чем иным, как формой организации бедноты, позаимствованной из Украины. Мы идем даже не так далеко, как украинцы. Тебе очевидно хорошо известно, что комнезамы имеют свои постоянные выборные центры не только в районном и окружном, но и в общереспубликанском масштабе. Последнего никто из нас никогда не предлагал, а лично я (как и Костров) считаю ненужным создание даже районных и окружных центров. Но внизу, на селе мы предлагали построить организацию бедноты точь в точь по украинскому типу. Если наше предложение ведет к популяризации лозунга крестьянского союза, то надо признать прямо, что Ком. партия Украины с разрешения Ц.К.П. занимается популяризацией этого лозунга в течение 9 лет. Если наше предложение равносильно троцкистскому лозунгу "союза бедноты", то надо прямо обвинить в троцкизме КП(б)У, да и ЦК ВКП, который не доглядел, что украинцы впали в троцкизм еще 9 лет тому назад и продолжают в нем пребывать вплоть до сегодняшнего дня. Если наше предложение идет вразрез с классовой линией партии в деревне, то с еще большим основанием надо это признать относительно Украинской партийной организации. Я привожу эти аргу-

менты не просто в качестве полемического приема, а потому, что они отражают истинную правду. Нельзя обвинять в троцкизме и т.п. нас и не обвинять в этом же украинцев, если мы предлагаем проделать только то (и даже меньше того), что проделано уже на Украине.

2) Обвинение в троцкизме несостоятельно вот почему. "Самостоятельная организация широких масс бедноты" (буквальная формулировка, имеющаяся в тезисах ХУ1 партконференции по докладу Калинина) это - не троцкизм, а большевизм. Нельзя уступать этого программного (оно сформулировано в нашей программе) принципиального требования партии троцкистам. Почему неприемлем для нас троцкистский лозунг "союза бедноты"? Да в силу того содержания, которое троцкизм вкладывает в этот лозунг, в силу той роли, которую троцкизм отводит в своей политической системе "союза бедноты". Если раскол с середняком неизбежен и середняк неизбежно должен быть в союзе с капитализмом против пролетарской диктатуры и социализма, если советы затоплены мелкой буржуазией и перестали быть органами пролетарской диктатуры, если партия переродилась, если термидор побеждает в нашей стране, - то при всем этом "союз бедноты" превращается неизбежно в особую политическую партию, независимую от нашей партии, он подменяет собою советы, он неизбежно означает ускорение и оформление раскола со средним крестьянством, он поневоле воспроизводит все черты комбедовского периода. Но троцкистский лозунг имеет свой политический смысл только в связи со всеми этими "если", отвлекаясь от этих, "если" его нельзя не понять, не разоблачить. И именно потому, что он

вытекает из всей политической линии троцкизма, лозунг союза бедноты для нас неприемлем. Но то, что мы предлагаем также далеко от троцкистского лозунга союза бедноты, как небо от земли. Мы предлагали и предлагаем конкретно, применительно к новым условиям реконструктивного периода (обострение классовой борьбы, изменение роли пролетарских и полупролетарских элементов деревни, являющихся теперь непосредственными руководителями под руководством городского пролетариата, конечно, - социалистического переустройства деревни и т.п.) применить на практике требование нашей программы и XVI партконференции. Может быть мы и неправы (с чисто практической точки зрения), но причем здесь троцкизм?

3) Но не таит ли в себе наше предложение опасность популяризации лозунга крестьянского союза? Всякий лозунг таит в себе известные опасности, например, лозунг самокритики. Но разве можно из-за этих опасностей отвергать само предложение, если оно правильно, необходимо и т.п. Это было бы похоже на выплескивание вместе с водой ребенка. Никто иной, как Сталин, прекрасно разъяснил это в своих замечаниях по поводу тезисов Слепкова "об опасностях лозунга самокритики". А по существу этого аргумента достаточно сказать следующее: наша партийная программа требует создания особых организаций бедноты в деревне. Можно ли отвергнуть этот пункт на том основании, что его осуществление таит в себе опасность популяризации требования особых организаций середняков или что либо в этом роде? То же самое - применительно к решениям XVI партконференции.

Я кончаю на этом разбор резолюции, хотя о ней можно было бы сказать еще очень много. Теперь, какие политические результаты может (и будет) иметь это решение ЦК.

1) Оно объективно, независимо от воли его авторов, неизбежно ведет к ослаблению борьбы против правого уклона, во-первых, потому, что оно в такой торжественно-громовой форме обрушивается со страшной силой и тяжестью против так наз. "левых ошибок", оно открывает, по сути дела, новый фронт борьбы внутри партии, фронт борьбы отнюдь не совпадающий с фронтом борьбы против троцкизма. Ибо кто поверит, что Шацкий, Костров, я и др. т-щи, против которых объявлена этой резолюцией беспощадная война — троцкисты. Никто никогда этой клевете не поверит. Следовательно в нашем лице открыт новый, особый уклон. Но ведь речь идет не о нас лично, а о всех тех, кто думает и действует подобно нам. И таких товарищей (а их должно быть очень немало во всех партийных организациях) будут теперь зачислять в представителей нового уклона, будут громить, прорабатывать и т.п. Я уверен, что если бы решение по бакинскому делу запоздало Артака и Олю Шат обязательно зачислили бы в этот новый уклон. Этот новый фронт борьбы особенно опасен тем, что под новый уклон легко и непринужденно может быть подведен всякий, кто скажет что-нибудь не понравившееся местному партийному руководству, всякий, кто энергично подымет голос против конкретной обывательщины и т.п. и т.д.

Уклон, приписываемый нам настолько неопределенен и расплывчат, настолько произвольно установлен, что под него можно подвести любого партийца. Во-вторых, ослабление борьбы против правого уклона должно последовать отсюда уже потому,

что в отличие от решения апрельского пленума ЦК и ЦКК эта резолюция снимает тот упор, который дан был в апреле в борьбе против правого уклона в практической работе.

Это так, именно так! Я глубоко убежден, что тысячи людей, которые отделялись одним "аллилуйя" против правого уклона, а на практике проводили линию правых, свободно вздохнули прочтя последнее решение ЦК. В самом деле, теперь всякого, кто на них будет нападать, можно об"явить "шацкинистом" и этого будет достаточно, чтобы отбить атаку и угробить атакующего.

2) Эта резолюция по своим об"ективным результатам представляет собой небывало тяжкий, неслыханный удар по самокритике, парт. демократии, по инициативе коммунистов и работе теоретической мысли. Ведь она прямо говорит: не смей продумывать на собственном опыте генеральной линии партии, чтобы убедиться в ее правильности. А какие из этого сделают выводы на местах и говорить не приходится.

3) Эта резолюция по своим об"ективным результатам неизбежно ведет к ослаблению работы среди бедноты. Требование (повторяющее буквально почти слово в слово пункты парт. программы и 16 парт. конференции о самостоятельной организации широких масс бедноты) "о создании широкой массовой организации бедноты в деревне" приравнивается к троцкизму, к лозунгу крестьянского союза, об"является идущим в разрез с классовой линией партии в деревне. Кто же после этого посмеет даже думать (не говоря уже о деле) о действительно самостоятельной организации действительно широких масс бедноты? Самый слабый

участок нашей работы в деревне еще больше ослабляется и последствия этого будут очень тяжелы.

Если Шацкий, или Костров, или я, или Стэн, или кто угодно другой действительно допустили ошибки в том или ином вопросе или, если нас лично надо проучить, вздуть, отстегать и т.п.; чтобы мы не рыпались, то неужели нельзя было сделать это в другой форме, в такой, которая, будучи достаточным предупреждением или наказанием нам лично, не была бы так грубо и с такой страшной силой по политической линии партии в вопросе о борьбе против правого уклона в практической работе, в вопросе об усилении организации бедноты, в вопросе об оживлении теоретической мысли партии, самокритики и т.п.? Удар был рассчитан по нам лично, а пришелся всей своей тяжестью по политической установке партии в этих вопросах. И чья рука так неумело, неуклюже и неверно направила этот удар. Я, не строя себе никаких иллюзий насчет отношения лично ко мне и к другим товарищам Сталина, не могу все же поверить, чтобы он мог принять участие в формулировании и обосновании этой, поистине неслыханной, резолюции.

Серго! Я знаю, что ты достаточно возмущен моим письмом и готов меня обвинить в дискредитировании партийного руководства, в борьбе против него и т.п. Но не торопись с этими выводами. Даже эта резолюция ничего не изменила (и не могла изменить) в моем отношении к руководству партии, которое я ценю не хуже и не меньше, чем всякий другой большевик. Но об этом я еще поговорю подробнее ниже. А теперь дальше о политических последствиях этой резолюции. Мы вступили в полосу

действительно великих работ, начинается (началось) величайшее, всемирно-историческое значение — перестройство социально-экономического фундамента нашей страны в социалистический фундамент (и в городе, но там это дело идет давно, теперь оно получило только гигантское ускорение и в особенности в деревне, где мы переделываем мелко-собствен. уклад в уклад социалистический). Размах нашей работы, ее об'ем, задачи, стоящие перед нами гигантски возросли, но мы все же с успехом решаем эти задачи. Трудности тоже увеличиваются и вот об этих трудностях я и хотел с тобой сейчас поговорить.

Первый год пятилетки мы завершаем с большим успехом. Начинается второй год с еще более грандиозными задачами, с еще более быстрым и напряженным темпом движения вперед. Какие же тут у нас трудности в предстоящем году и по какой линии? Я думал над этим вопросом и прихожу (коротко) к таким выводам.

Главные трудности нас ожидают по линии взаимоотношений города с деревней и внутри самой деревни. Возможность колебаний середняка в реконструктивный возрастает по сравнению с периодом восстановительным (это уже доказано практикой 1928г, теоретически это совершенно ясно, если не забывать, что середняк — класс колеблющийся, что он не только труженник, но и собственник, а сейчас идет ломка и очень крутая, очень быстрая — как раз собственнического уклада). Правда, и средства воздействия и помощи крестьянству со стороны рабочего класса теперь неизмеримо больше выросли по сравнению с прошлым периодом (новые формы смычки, агропомощь, капитальные вложения в с.х. и т.п. и т.п.). Но гарантии от колебания середняка нельзя искать только в городе, но и обязательно в

деревне. В самой деревне классовая борьба все более обостряется (при громадном усилении нашего наступления на кулака). В деревне идет тот самый последний и решительный бой с русским капитализмом, который предсказывал Ленин на XI съезде партии. И этот бой еще только начался. Если от этих общих рассуждений перейти к более конкретным вещам, то надо сказать, что нам предстоит преодолевать серьезнейшие трудности в деле коллективизации середняцких масс (пока процесс коллективизации не охватил даже всей бедноты и захватил только небольшую часть середняков) и в деле общего под"ема сельского хозяйства и в частности и в особенности в вопросе о хлебе. Всякое усиление колебаний середняка будет причинять громадные затруднения в решении этих задач. И чтобы максимально предупредить и ослабить возможность этих колебаний, мы должны во что бы то ни стало укрепить, оформить, расширить и сделать массовой нашу классовую опору в деревне. Речь идет о самостоятельной организации широких масс бедноты. Все признают, что работа с беднотой чертовски слаба. И если мы ее действительно не поднимем, не усилим, нам не миновать многих трудностей.

Резолюция ЦК не только означает отказ от перестройки на массовой основе организации бедноты, но и своими грубыми формулировками прямо ослабляет внимание к задаче самостоятельной организации широких масс бедноты. (хотя в рамках существующих орг.форм, хотя в этих рамках эту задачу страшно трудно решать). Вторая линия, откуда мы можем ждать трудностей, это рабочий вопрос. Здесь мы имеем величайшие достижения (соц. соревнование, которое является первоначальной формой комму-

нистического труда, величайший героизм и самопожертвование нашего пролетариата). Но если я правильно информирован (а я информировался в частном разговоре с Вейнбергом, Шверником и еще каким-то профсоюзником, будучи в Москве, в ЦК, в приемной Сталина), в области рабочего вопроса намечаются некоторые тревожные показатели. Реальная зарплата за прошлый год не увеличилась, а снизилась (не то на 8%, не то на 2%, не ручаюсь за эти цифры, т.к. не помню их точно). И в этом году мы имеем пока либо самое незначительное повышение реальной зарплаты, либо ее стабильность, либо даже движение назад. А рост (и притом реальный) производительности труда идет в довольно высоком темпе (в пр. году 14%, в этом году ожидается больше). Разрыв между ростом производительности труда и движением реальной зарплаты совершенно несомненен и я боюсь, не увеличивается ли этот разрыв (необходимо принять во внимание, что рабочий в этом году, как и в прошлом авансирует своему государству месячный заработок в виде займа, а значит соответственно меньше потребляет). При таком положении вещей угроза роста недовольства в рядах рабочих может быть признана реальной. Речь идет у меня о значительных массах рабочих только что пришедших из деревни или вышедших из рядов городской мелкой буржуазии. Но ты лучше меня знаком с вопросом о новых кадрах рабочих (хотя по совести говоря, этого вопроса никто - даже профсоюз, пока не изучал). Соцсоревнование захватило авангард пролет. (член.партии и комсомольцев) и часть (порядочную) старых кадров пролетариата. Это решающая часть рабочего класса и она ведет за собой всю массу. Поэтому мы можем говорить с полным правом об общем под"еме в рабочем классе.

Но увеличение разрыва между ростом произв. труда и под"емом материального уровня раб.класса может все же привести в движение отсталую массу рабочих, в движение, которое затруднит общий под"ем.

Что здесь можно и должно сделать для предупреждения этой очень серьезной опасности? Троцкистская игра на шкурных интересах отсталых рабочих есть гнуснейший меньшевизм. Механически поднять номинальную зарплату скольконибудь высоко мы не в состоянии (да это угрожало бы инфляцией, т.е. еще большим ухудшением). На рост производительности труда, борьбу с прогулами, укрепление труд.дисциплины, развертывание соцсоревнования мы должны налегать со всей (даже с большей чем вчера) силой - иначе мы не коммунисты. Мы должны организовать рабочее снабжение, которое у нас безобразно поставлено. Все это мы должны делать, но мы едва ли сумеем сильно изменить создавшееся положение. Мы должны открыто и вовесь рост поставить перед рабочим классом вопрос о неизбежности известных жертв и для того, чтобы получить здесь поддержку не только со стороны авангарда и старых пролетарских кадров, но и со стороны всей массы рабочих, мы должны удесятерить нашу работу по поднятию классового сознания в этих отсталых массах. Здесь надо решительно усилить и улучшить всю работу профсоюзов и наших парт.ячеек. Но поднять классовое сознание новых кадров, исправлять недочеты (крупнейшие) в работе наших профсоюзов и ячеек можно только на основе энергичнейшего развертывания самостоятельности и инициативы масс, на основе действительного развертывания самокритики. Мы в этом отношении имеем успехи, но далеко недостаточные. И до тех пор, пока не обеспечим под-

линой самокритики в рядах партийных организаций, пока мы не обеспечим действительной парт. демократии в рядах пролетарского авангарда, нам не удастся поставить как следует дело дальнейшего поднятия инициативы, самодеятельности, а следовательно, и классового самосознания в отсталых массах пролетариата. Резолюция ЦК об"ективно будет тормозить перестройку на основе развертыв. самокритики в рядах парт. организаций. Она в этом деле означает прямой шаг назад, и я боюсь, как бы это не нашло своего косвенного отражения в нашей работе среди рабочих масс (особенно в работе профорганизаций), след. и в их настроениях.

3) Третья линия, по которой мы должны опасаться трудностей (особенно в предстоящем году), когда об"ем нашей работы страшно усиливается - в одно капит. строительство мы вкладываем 2.700 млн. рублей - почти вдвое больше, чем раньше) это - просчеты, хозяйственные и политические (просчеты в местном и центральном масштабах). Основная линия уже абсолютно правильна. Это - ленинская линия. В этом у меня (да и у любого из тех, кого теперь забрасывают грязью - у Лазаря и Кострова) не было и нет никаких сомнений. Но правильная генеральная линия не гарантирует просчетов, и что мы умеем просчитываться и ошибаться в частности мы это доказали как будто достаточно убедительно и полно. Опаснее становятся просчеты теперь потому, что возрос об"ем работы, ее размах. Каждая маленькая хозяйственная ошибочка в центре (в союзном, республиканском, областном, окружном и т.п.) может дать громадные результаты на периферии. Но и политические просчеты становятся теперь

опаснее, и что мы имеем чрезвычайно напряженную обстановку, обостряющейся классовой борьбой. Вопрос о просчетах есть вопрос о руководящих кадрах и о методах работы. С кадрами у нас дело обстоит (во всех областях) неважно. Объем задач, их мощность растут гораздо быстрее, чем идет рост наших кадров. Мы должны привлекать к активной работе все лучшие силы, стоящие на линии партии, хотя некоторые из них колебались вчера (или даже делали величайшие ошибки). в основных политических вопросах. Речь у меня идет здесь о лучших, наиболее искренних, наиболее преданных партии вчерашних оппозиционерах, вернувшихся теперь в партию. Но и этого мало. Единственное средство избежать крупных просчетов, это так организовать работу каждого местного хоз. и советского руководителя, чтобы она контролировалась, проверялась, исправлялась и улучшалась коллективом и снизу со стороны масс. Но для этого надо обеспечить такое положение, и в партийных организациях, чтобы работа любого секретаря и Орготдела исправлялась и проверялась коллективом, для этого надо, прежде всего, в партийных организациях обеспечить подлинную самокритику и демократию и, кстати, теоретическую учебу, иначе мы будем решать все вопросы эмпирически, т.е. будем застигаться врасплох трудностями и не предвидеть того, что несет с собою завтрашний день. Баку - достаточный пример, чтобы совсей силой поставить эту проблему перестройки рядов и методов в работе партийных организаций на первое место. Раскрытие бакинского дела (к сожалению, только после того, как дело дошло там до прямой уголовщины (расстрел), таких как и в Астрахани) представляет собою громадный шаг вперед в деле этой перестройки. Но рядом с этим шагом вперед

делается на второй день шаг назад. Это - резолюция ЦК, - но о ней я уже достаточно говорил. Такими резолюциями мы не можем, а затрудним предупреждение бакинской истории в других местах.

Подведу теперь итог политической части моего письма. Это надо сделать, чтобы у тебя получилось одностороннее впечатление.

Генеральную линию нашей партии, так же как и политическую линию ЦК во всех основных вопросах я считаю, считал и буду считать единственно правильной и ленинской и никто не сумеет здесь загнать меня в какую бы то ни было оппозицию, в какой бы то ни было уклон (пришить его могут, но это будет неправдой). Мы продолжаем развернутое, успешное наступление на капитализм по всем линиям благодаря этой линии партии.

Но сейчас по двум линиям (из всех линий, по которым мы ведем наступление, а этих линий очень много) нажать тормоза (по линии организации бедноты и по линии развертывания самокритики). Это причинит нам несомненно известные дополнительные затруднения, без которых мы могли бы прекрасно обойтись. Я ни минуты не сомневаюсь, что эти затруднения мы преодолеем и временная заминка, происходящая сейчас по этим двум направлениям будет выправлена без большого ущерба.

Теперь перехожу к личным вопросам и это последняя часть моего письма. Мне один комсомолец (член ЦК КСМ) написал коротенькое письмо, в котором рассказывал следующее: оказывается на заседание бюро ЦК **ВЛКСМ** пришел Майоров и произнес там большую полуторачасовую речь, в которой доказывал, что существует левая фракция в составе: Шацкий, Ломинадзе, Стэн,

Костров, Ксенофонтов, Авербах и каких-то друг. товарищей. Доказетальство нашей фракционности: 1) Наше выступление на конференции (мое и Шапкина) и 2) наше участие только в "Комс. Правде" и в "Мол. Гвардии", мы, оказывается, игнорируем "Правду" и "Большевик". Майоров, очевидно, говорил еще что-то, кроме этого, но я пока больше ничего не знаю, но и сказанного для меня вполне достаточно.

Итак, вот откуда все громы и молнии! Мы - фракция, да еще левая, т.е. не то троцкистская, не то полу-троцкистская. Понятно, что такую фракцию (как и всякую) надо уничтожить и стереть с лица партии беспощадно!

Все это "хорошо", но почему же с этой вновь открытой фракцией обращаются так странно, почему нас не позвали в ЦКК или хотя бы не вызвали в ЦК, прежде чем бросать нам такое чудовищное обвинение на заседании ЦК ВЛКСМ, обвинение нигде не записанное в решениях официальных органов партии, никем не расследованное. Честное слово, я прихожу в форменное исступление, когда возвращаюсь мысленно к этому дикому, нелепейшему, недобросовестнейшему обвинению. А мысль о нем все время сверлит голову. Я начинаю понимать тактику Майорова (не пойму только для чего она ему нужна). Нам бросается обвинение, которое должно повлечь за собой (если оно сколько нибудь правильно) не просто осуждение, а исключение из партии. Потом Майоров ждет. Если мы будем (в отдельности или вместе) протестовать против этого обвинения, мы подтвердим нашу фракционность, и что это будет значить, что мы - против ЦК и т.д. и т.п. Если же мы смолчим, это значит - нам нечего противопоставить этому обвинению, значит оно правильно. В

обоих случаях Майоров торжествует, а мы изобличены, как самая настоящая фракция. И против этого неслыханного произвола ничего нельзя предпринять? Первый раз в жизни я попал в положение зайца, который должен доказать, что он не верблюд, попробуй-ка докажи!

Мне противно даже перед тобой оправдываться в этом возмутительном обвинении. Во-первых, я должен сказать, что ничего общего не имею и не желаю и не буду иметь с людьми типа Ксенофонтова. Во-вторых, никакой близкой, дружеской связи, которая у меня есть с Шапкиным, Костровым и Авербахом, у меня с Стэнном нет, хотя я его и очень высоко ценю, как способную теоретическую голову. В-третьих, наша дружба - я, Лазарь, Леопольд и Костров - носит, конечно, не обивательский характер (т.е. мы не собутыльники), но ничего напоминающего, хотя бы издали какую бы то ни было группировку или фракцию у нас не было, нет, не может быть и не будет.

В-четвертых, мое и Лазаря выступление на парт.конференции вменять нам в вину как фракционное, это же верх недобросовестности. Если ты помнишь, мы еще на ноябрьском пленуме ЦК прежде чем вносить совместно поправки, обращались даже к тебе с запросом не будет ли это каким нибудь блюстителем нравов истолковано как группировка. Ты в ответ только засмеялся. Почему же тогда не обвинили во фракционности? А потом, почему нам, обоим вместе поручили во время апрельского пл.ЦК и ЦКК писать проект резолюции (он нами и написан, Попов и Стецкий вносили только технические исправления)? Почему нам обоим было поручено уже во время конференции составление резолюции для съезда германской компартии, что мы и сделали?

Неужели нас хотели сплотить как фракцию? Что это такое, до чего приходится дожить, черт возьми!

В-пятых, каждый из нас участвует в литературной работе "М.Гв." и "К.Пр." в силу таких причин: 1) Костров - редактор "М.Гв." - где же ему еще писать - впрочем он писал и в "Правду" и в "К.Пр.". 2) Шацкий давал во время конференции свои статьи Крумину на прочтение и так не получил от него ответа, пустил бы Крумин их в "Правду" или нет, а редакция "К.Пр." их пустила без всяких затруднений. 3) Авербах пишет во всех органах - неужели все они фракционные органы? 4) Я - но я вижу, что я всерьез доказываю, что я не верблюд. А как известно зайцу этого доказать не удалось.

Мне с тобой приходилось как-то говорить на эту тему после истории со снятием Кострова, когда мы подали заявление о несогласии с решением в ЦК. Я тебе подробно излагал тогда свою точку зрения на нашу роль в партии и как мы (в частности я) ее понимаем. Ни мне, ни Лазарю, ни кому бы то ни было из перечисленных Майоровым лиц (я мало знаком с Ксенофонтовым и ничего не могу о нем сказать) никогда и в голову не приходила мысль воображать себя вождями или сплотиться в особую группу, которая противопоставляла бы себя ЦК. Я считал и считаю (и буду считать, как бы ни старался зажать меня в оппозиции или в уклон Майоров), что группироваться все партийные силы могут, должны и обязаны только вокруг ЦК и нигде больше. (Речь идет о политическом группировании). Но я считал и буду всегда считать, что задача каждого коммуниста заключается не только в том, повторять то, что уже сказал и решил ЦК, но и в том, чтобы самому проявить инициативу в про-

ведении линии ЦК, самому поднимать и ставить новые вопросы и
этим вносить свою долю (по мере способности каждого) в строи-
тельство и творческую работу партии. Этим я глубоко отличаюсь
(а вместе со мной и мои друзья) от ком. обывателей, которые
боятся всякой новой мысли пока она не получила одобрения ко-
гонибудь из руководящих товарищей. Но так, как я поступают
ведь все подлинные коммунисты. Рабочий одного из Питерских
заводов внес предложение принятое всей страной, о дне индустриализации (6 августа). Группа крестьян коммунистов - о дне 19 августа (день коллективизации), Ларин - ряд ценных предложений, редакция "Комс. Правды", которую теперь разгоняют - разработала вопрос о практическом проведении социалистического соревнования и т.д. и т.п. Один делает свой вклад в маленькое, другой в большое дело, один - в области хозяйства, другой - в области политики, третий - в области теории и т.п. Вот моя позиция и вот позиция моих друзей.

Но письмо дьявольски растянулось и надо его когда-нибудь кончать. Последнее, за чем я к тебе обращаюсь, это вопрос,
как быть и что делать? Оставить без ответа это чудовищное обвинение нельзя. Это значило бы признать их правильными (троцкизм или какой-то другой уклон, фракционность и т.п.). Ответить на них, но как, в какой форме? Эти вопросы не дают мне ни минуты покоя. Я пишу тебе это письмо с такой просьбой. Прочти его и, если ты чувствуешь желание поговорить со мной, телеграфируй мне.

Мой адрес: Ейск, Донского округа, Райком ВКП.

Я к тебе приеду. Мне бы обязательно поговорить с тобой. Если же ты разговаривать со мной не хочешь, верни мне это письмо. Впрочем, формального права требовать его обратно я не имею.

Ну, всего хорошего. Жму руку.

БЕСО.

Дорогой Серго! Спасибо хоть за то, что ответил. Ты напрасно предупреждал меня, чтобы я не обижался на твои резкости. Я не могу не обижаться на тебя, ни хранить на тебя злобу, чтобы ты мне не говорил (даже явно - на мой взгляд - несправедливые вещи), и что я признаю за тобой право распекать меня, как угодно. Письмо твое меня не обидило, но очень огорчило и этого я скрывать от тебя не хочу.

Так как нам вряд-ли удастся скоро увидаться (я в первых числах сентября еду в Москву, оттуда в Сухум, а ты тем временем очевидно вернешься в Москву), я хочу написать тебе несколько слов в ответ на твое письмо.

1) История с плакатами. Допустим, что вывешивание подобных плакатов на домах кулаков было ошибкой. Я в этом еще не совсем убежден, хотя и не стал бы настаивать сейчас на том, чтобы повторить подобные приемы (первоначально, у меня была мысль - на домах бойкотируемых кулаков вывесить плакаты о том, что они находятся под общественным бойкотом; "вещественное оформление" этой идеи получилось однако совсем не такое невинное). Если даже это было ошибкой, то, во первых, ошибкой не очень крупной и, во вторых, надо учесть, что это был мой первый шаг в деревне. Я только приехал сюда работать, как ввязался в самую горячку кампании по хлебозаготовкам. Я и впредь, очевидно, буду делать не мало ошибок подобного или другого рода, и что работа в деревне трудна. Но я спрашиваю можно ли на основании этой ошибки ставить под сомнение мою способность проводить генеральную линию партии. Я мог бы привести десятки примеров, когда работники более крупные, чем я, делали ошибки почище истории с плакатами (Сырцов предлагал ведь провести принудительный "хлебный заем"; Андреев громил меня на

пленуме Кр-ма за предложение о привлечении в индивидуальном порядке к выполнению плана хлебозаготовок кроме кулаков еще и зажиточных середняков - всего и тех и других - 8-10%. Андреев обвинял меня прямо в желании помочь кулаку; теперь это предложение проводится по всему краю и буквально в той форме, как предлагал я; третий пример: Рудзутак в речи на КСМ конференции заявлял 1) что стабилизация к-зма давно закончилась 2) что мы обсуждаем межд. вопросы только потому, что уже нехватает товаров; Бауман со своей теорией о госкапитализме; примеров подобного рода ошибок - не крупнее, чем с плакатами - можно привести сотни. Но разве можно из-за этих отдельных, хотя бы и крупных, ошибок ставить под сомнение способность этих товарищей проводить генеральную линию. Ты скажешь, что одно дело Рудзутак, другое дело - я. Правильно! У него в прошлом слишком большие заслуги, чтобы можно было нас ставить на одну доску, да и в настоящем он работник покрупнее и позначительнее меня - м.б., во много раз. Но какое бы небольшое прошлое у меня ни было, я тоже не имею оснований его стыдиться. И дело идет ведь ^{не} о прошлом. А ты пред"являешь обвинение в неспособности проводить генер.линию на основании ведь не прошлого, а настоящего. (История с плакатами). Дальше мне не хотелось об этом писать, но чтобы у тебя не получилось впечатления, будто я неиср^енен и фальшивлю перед тобой, я скажу тебе и это. На роль вождя партии я не претендовал и не претендую. Ты сам, должно быть, знаешь, что это так. Не думаю, что ты всерьез мог меня подозревать в этом. Но я считаю себя настолько созревшим коммунистом, чтоб принимать участие в решении ряда партийных вопросов, принимать участие не в роли руководителя, а роли активного партработника, каких в нашей партии тысячи, если

не десятки тысяч. И я имею все основания гордиться тем, что по ряду вопросов мне удавалось намечать для себя такое решение, которое совпадало с партийными решениями (по ряду вопросов моя оценка новых вопросов не совпадала с последующими партийными решениями, но не было и не будет случая, чтобы я не подчинялся партийным решениям и не выправлял своих ошибок). Я имею право сравнивать себя с тем путиловским рабочим, которого ты мне противопоставляешь. Не так уж много инициатив мною проявлено, но когда это имело место, то в большинстве случаев эта инициатива совпадала с развитием общепартийной мысли, пролегла в том же направлении, куда развивалась партийная мысль и в этом смысле была продолжением и проведением партийной линии. Я не мнил себя никогда в роли тех, кто дает направление, кто намечает, определяет партийную линию. До этого я еще недорос. Но я горжусь и буду гордиться тем, что по ряду вопросов я защищал правильную партийную точку зрения (в частности, это касается большинства моих и Лазаря предложений на XVI партконференции, из которых большинство оказалось правильными). А своими ошибками, когда я их признаю (да не было еще случая, чтобы я открыто не признавал своих ошибок), я и не гордился и не могу гордиться! Я верно не такой уж дрянной интеллигентик-индивидуалист, чтобы противопоставлять себя хоть в какойнибудь мере величайшему в истории человечества движению, воплощаемому нашей партией или чтобы отставлять себя в сторону от этого движения.

Последнее, что я хотел тебе сказать, это то, что обвинение в троцкизме Шацкого и Кострова несправедливо в величайшей степени. Если Лазарь предлагал организацию украинского типа,

~~285~~

можно ли говорить, что это позаимствовано из арсенала Троцкого? Наоборот я уже писал в прошлый раз. Не знаю, о каком заявлении Каспаровой ты говоришь. Но я знаю взгляды Кострова на троцкизм и могу тебя заверить, что они в ни в чем не расходятся с общепартийной оценкой. То, о чем писал Костров в своей статье (я тебе ее послал, в нее было завернуто мое письмо), ни малейшего отношения к троцкизму не имеет.

Нам грозит участь Слепкова, Астрова и др.? Извини, пожалуйста. Слепков боролся и борется против большевистской линии, против основных принципиальных установок. Слепков защищает оппортунистическую, антиленинскую линию. Нас никто никогда не сумеет загнать в такое положение. Ни в оппозицию, ни в уклон не пойду, чтобы там ни было, как бы кой кто не пытался толкнуть на этот путь (кой-кто из усердствующих "молодых" людей, восхищавшихся статьей Шацкого и изучавших ее наизусть, а теперь вешающих на него всех собак). Если Шацкого не сломает и не перемелет в пыль та гигантская машина, которая пущена теперь против него в ход, он сумеет еще доказать партии, что он - большевик, а не представитель расхлябанной мелкобуржуазной чертовщины, какую на него вешают. Я уже теперь спокойно смотрю на то, что предстоит еще испытать впереди. Я знаю, что в сентябре соберется ячейка ИКП, которая распишет меня почище Шацкого и все это, плюс история с плакатами у кулака пойдет в печать и в проработки. Пускай. С партийной линии не сойду, за это можешь быть спокоен.

Извини, что снова беспокою тебя. Это письмо тебя рассердит больше, чем первое. Но больше надоедать тебе я уже не стану. Тогда только поговорим при встрече. До свидания. Крепко жму руку и прошу не сердиться.
Твой Бесо.

Дорогой СЕРГО!

Не писал тебе до сих пор потому, что не успел еще составить себе ясного представления о положении в Закавказьи, а делиться с тобой первыми, смутными и непроверенными впечатлениями не хотелось. Сейчас, в связи с отъездом Бекзадяна, решил все же написать тебе несколько строк.

Страшно тороплюсь и прошу принять это во внимание и быть снисходительным как к почерку, так и к содержанию письма.

Бекзадян везет с собой резолюцию, которую мы приняли по вопросам снабжения. Прошу познакомиться с ней. Я всячески старался не допустить никаких преувеличений в этой резолюции, не рисовать положения хуже, чем оно есть (это, кажется, и невозможно), не требовать ничего лишнего и во всяком случае не "шантажировать" ЦК. Положение со снабжением очень скверное. Если мы не дадим мужику обещанного по контрактации, мы дискредитируем себя "в доску", не говоря уже о срыве заготовок. Но еще тревожнее положение с рабочими. Я обошел в Баку ряд промыслов и был поражен узнав какой заработок получает бакинский рабочий. Рабочие буровой партии, работающие с огромным физическим напряжением (в результате соцсоревнования вместо прежних 6 и недавних 5, теперь на одной буровой работают 4 рабочих), получают в среднем 75-80 руб. Вахтенные рабочие на промыслах зарабатывают по 60-62 рубля в месяц (возможности приработка у них нет), дневные рабочие - 75-80 руб. Около 12% из этого заработка уходит на отчисления (кои вычитываются автоматически, в конторе, несмотря на апрельское постановление ЦК и ВЦСПС).

Заработок промышленного рабочего ниже, чем у текстильщи-
ка. А в Тифлисе ни один счетовод не получает меньше 110 руб-
лей, ни одна машинистка - меньше 70-80 рублей. Бакинское ЦРК
кормит рабочего невероятной дрянью, несмотря на недостаток
продуктов оно могло бы, если бы умело и хотело, если бы Бакин-
ские вожди не были поглощены "высокой" политикой, гораздо
лучше кормить рабочих в столовых и снабжать их продуктами.
Я провел на ЦК АКП ряд решений в этом духе чисто практическо-
го характера, которые надо было бы принять и осуществить ме-
сяцев 5 тому назад). Жены рабочих выстаивают в очередях це-
лые ночи за мясом (консервным) и рыбой (которой нет). При
этом, профсоюзные организации совершенно не занимаются защи-
той экономических интересов рабочих и настолько потеряли свое
лицо, что говорить о профсоюзах в Баку, как о приводе от
авангарда к массе, не приходится. Эта очень важная функция
как-то отмерла в бакинском профдвижении. Есть ряд возмутитель-
ных "мелочей" справедливо раздражающих рабочих: 1) рабочим
буровой партии при переходе на пятидневку должен предостав-
ляться по коллективному договору непрерывный 39-часовой от-
дых; по соглашению между Азнефтью и союзом горняков этот
пункт колдоговора изменен и бурильщики пользуются теперь толь-
ко 32-часовым отдыхом. Но это решение принято Азнефтью и
правлением союза горняков без какого бы то ни было обсуждения
на рабочих собраниях. Рабочие говорят: если это необходимо,
мы пойдем и на большее сокращение отдыха, но зачем нас об это
никто не спросил? 2) В результате перехода на пятидневку рабо-
чие промислов теряют до 10% заработка. Части рабочих (заня-

~~252~~

тых на промыслах до перехода на пятидневку) эту разницу доплачивают полностью; тем же, кто поступил на промысел после перехода на пятидневку доплачивают только 4% разницы. Почему делается такое идиотское различие, никто не знает, во всяком случае никто из рабочих. 3) Переход на 7-часовой рабочий день повлек тоже для некоторых групп рабочих снижение заработка, но этим мало кто интересуется. Таких фактов можно было бы рассказать много, но у меня и так растягивается письмо. Мне кажется, что такое положение, когда реальная зарплата уменьшается, вопреки всем нашим решениям и стараниям, а производительность труда повышается очень сильно, в пределах плана во всяком случае, таит в себе большую опасность. Пока настроение рабочих в целом неплохое, даже можно сказать очень хорошее, но недовольство накапливается и с этим надо очень серьезно считаться. Вот почему я считал бы совершенно необходимым, чтобы наши минимальные требования по вопросу о снабжении были удовлетворены. Если их нельзя полностью удовлетворить, надо выделить Баку и обеспечить полностью хотя бы этот важнейший пункт. По вопросу о работе профсоюзов я думаю поговорить с тобой и с Кобой по приезде в Москву (на с"езд). Я еще побываю в Баку, присмотрюсь к положению внимательнее и тогда только смогу формулировать конкретные предложения. Ясно, однако, что здесь надо добиться значительного изменения в практике профсоюзной работы, и прежде всего, пожалуй, в деле защиты материальных интересов и обеспечения, если не повышения, то сохранения реальной зарплаты рабочих. (Думаю, что это не тред-юнионизм!).

Положение в деревне мне пока знакомо очень мало. Вот мои самые поверхностные и общие впечатления, нуждающиеся еще в очень серьезной проверке.

В Грузии положение, несомненно, улучшилось. Об этом можно судить по Кахетии. Сегодня вернулся оттуда Шалва, дня три тому назад приехал оттуда С.Мамулия. Оба в один голос утверждают, что перелом к лучшему достигнут несомненно и перелом серьезный. А Кахетия, как тебе известно, представляла собой самый "пораженный" участок Грузии. Грузинские колхозы об"единяют до 25% (а то и больше) крестьян и, как все говорят, довольно прочно. Сев идет по Грузии хорошо. В Армении дело похуже. В колхозах осталось 14-15% крестьянских хозяйств и дальнейший отсев весьма вероятен (хоть и небольшой). Бандитское движение еще не ликвидировано, а Берия считает, что оно легко может снова разрастись, так как дашнаки (заграничные и местные) решили перейти к более активной тактике. К сожалению, внимание партийной организации Армении отвлечено от деревни вопросами внутренней борьбы в верхушке партии. Но об этом ниже. Аппарат ГПУ Армении не знает положения в деревне. Мы сняли Петросяна - пред.ГПУ Армении и усилили ГПУ новыми работниками. Ручаться за положение в Армении сейчас трудно, хотя сев идет в общем недурно. Я был в Эривани (один день) и вынес такое впечатление из разговоров с товарищами, что перегибы и ошибки не все еще выправлены и быстрейшей их ликвидации мешает внутривластная склока. Думаю, однако, что нам удастся без особого труда повернуть всю организацию К.П.А. лицом к деревенской работе.

Хуже всего положение в Азербайджане. Особенно плохо в районе Духи. Там и по сегодняшний день очень сильно и даже усиливается еще дальше бандитское движение, коммунисты не имеют никакого доступа к деревне, кадры невероятно слабы и никак не выскочат из состояния растерянности, убийства коммунистов, учителей, агрономов, пред. сельсоветов продолжают-ся, сев идет очень плохо.

В Нахичеванской области после подавления восстания внешнее успокоение до известной меры достигнуто, но бандитизм еще силен и в связи с активностью заграничных муссаватистов и в особенности в связи с оживлением их активности на Персидской границе можно опасаться новых осложнений. В Гянджинском округе, по словам Караева, совершился перелом, но Зак. ГПУ советует не очень доверяться этим оптимистическим заверениям. Если ГПУ Армении не знает достаточно хорошо положения в деревне, то об Аз. ГПУ и говорить нечего. Никакого аппарата в деревне оно не имеет. Впрочем, Багиров оценивает положение как очень тревожное и чреватое большими неприятностями. Еще меньше знает действительное положение на селе ЦК АКП. По его данным сев идет по Азербайджану лучше, чем когда бы то ни было (в чем ^я очень сильно сомневаюсь). ЦК АКП уверяет, что 130000 гектар хлопка (вместо 150000 по плану) будет обязательно засеяно и что опасность хлопку грозит не со стороны посева, а со стороны воды и саранчи (в этом году во всех реках маловодье, низкий уровень воды, водокачки работают очень плохо, вся оросительная система в скверном состоянии и т.п.). Проверить насколько серьезно проводятся в

жизнь намеченные бесчисленными резолюциями меры борьбы с са-
 ранчей мне пока не удалось, но и здесь положение неважное.
 Я лично провел только один день в Азербайджанской деревне
 (в Ширванском округе) и вынес впечатление, что перегибы еще
 недостаточно выправлены (я застал в одном селе большую ком-
 муну, которую на тормозах спустил до артельной формы, ~~и~~
 л. что настроение мужиков мне не очень понравилось - значитель-
 ная часть из них "не хочет" выходить из коммуны, так как
 боится раскулачивания). Вообще с исправлением ошибок по все-
 му Закавказью дело обстоит не очень блестяще. До деревни все
 решения ЦК-тов еще не дошли или дошли в ослабленном виде.
 Крестьянина продолжают стеснять в торговле (а по Баку и Тиф-
 лису настолько последовательно осуществили лозунг ликвидации
 городской буржуазии, что мелкая частная торговля совсем за-
 душена и рабочие вследствие недостатков кооперативного аппа-
 рата испытывают порядочные затруднения с получением овощей,
 фруктов, молочных продуктов и т.п.). Работниками деревня,
 особенно Азербайджанская, укрепляется очень слабо и медленно.
 Я завтра выезжаю в Баку, чтобы добиться, наконец, реаль-
 ных действий со стороны ЦК АКП в этом направлении. Если по-
 требуется, взгреем публично ЦК в печати и на Бакинской конфе-
 ренции. Боюсь, что иначе перебороть расхлябанность и неде-
 ееспособность ЦК не удастся. Со мной едет Берия с поручением
 добиться быстрой ликвидации бандитизма и усиления кара-
 тельных мер к главарям контрреволюционных выступлений, к
 убийцам коммунистов, беспартийных учителей, агрономов и ~~т.п.~~

В этом отношении до сих пор также очень много совершенно ненужной осторожности - бандиты и муссаватисты убили до сотни красноармейцев и зарезали больше сотни членов партии и беспартийной интеллигенции, а мы расстреляли пока (и то по моему категорическому настоянию) только 20 человек.

Письмо страшно растянулось. Это потому, что я очень устал и не в состоянии себя контролировать. Поэтому придется по всем вопросам внутрипартийного порядка написать тебе в следующий раз (очевидно, послезавтра). Пока же попытаюсь дать краткое резюме.

В Грузии работа нового состава секретариата ЦК, мне кажется, пойдет в общем хорошо. Трения и недоразумения внутри руководства будут скоро полностью изжиты, т.к. не имеют под собой никакой серьезной почвы и не основаны на каких бы то ни было политических разногласиях.

В Армении дело обстоит потруднее. Реальной становится опасность некоторого разброда в руководящих кадрах и обострения ^{внутри-}партийной борьбы. С одной стороны, бывшие лукашинцы, с другой стороны, Саак и группирующиеся вокруг него недовольные элементы, с третьей стороны, Ханджян и группа товарищей, добивающихся мира в партии и безболезненной ликвидации конфликта, с четвертой стороны, воинственно настроенная группа молодых ребят (Галоян, Бапаян, Акопян и др.), боящиеся каких бы то ни было уступок Сааку, не говоря уже о лукашинцах - все это пришло в движение и вступило во взаимную борьбу. Сейчас эриванскую организацию немного лихорадит, возможно, что лихорадка перенесется и на с"езд. Мы добиваемся мирного решения спорных вопросов (спор идет внешне из-за персон, не перерастая пока открыто в политическую борьбу), но без каких

бы то ни было уступок оппортунистическим элементам и при обязательном условии сохранения сплоченным и крепким нынешнего руководящего ядра ЦК КПА. Думаю, что открытого конфликта с Сааком удастся избежать до Всесоюзного съезда партии, а там уже вместе с тобой решим, как быть.

В Азербайджане с Гикало дело обстоит неважно. Ему не управиться с работой и, в особенности, с задачей сплочения кадров вокруг ЦК. Но об этом подробнее в следующий раз.

С Шалвой у меня самые лучшие отношения. С Мамией говорил только раза два, боюсь, что осадок недовольства у него остался порядочный. Я со своей стороны сделаю все, чтобы облегчить ему работу.

Больше не буду мучить ни тебя, ни себя.

Крепко жму руку

Твой ВЕСО.